

Концепция «мягкой силы» Джозефа Ная в зарубежном научном дискурсе: интерпретация и критика¹

Наумов Александр Олегович

Кандидат исторических наук, доцент, факультет государственного управления, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, РФ.

E-mail: naumov@spa.msu.ru

SPIN-код РИНЦ: [2905-0930](https://elibrary.ru/2905-0930)

ORCID ID: [0000-0002-8366-5934](https://orcid.org/0000-0002-8366-5934)

Аннотация

Концепция «мягкой силы», которая была разработана на рубеже XX–XXI вв. одним из лидеров неолиберального направления современной теории международных отношений Дж. Наем-младшим, в последнее время вызывает все более устойчивый интерес со стороны отечественного академического и экспертного сообщества. Пока, однако, российские исследователи значительно уступают своим западным коллегам в деле изучения проблемы, что требует дальнейших изысканий в этой чрезвычайно актуальной области. В статье анализируются ключевые положения концепции «мягкой силы» и их рефлексия со стороны видных представителей зарубежного научного дискурса. В качестве методов исследования применяются системный подход и сравнительный анализ. Подчеркивается, что, несмотря на широкое признание заслуг Ная, западные политологи упрекали своего коллегу за недостаточную строгость работ, их академическую и концептуальную размытость, неточности и расплывчатости ключевых определений, отсутствие четко прописанного набора ресурсов, инструментов и механизмов реализации политики «мягкой силы» на международной арене. Дискуссии разворачивались по вопросу соотношения «мягкой силы» и «жесткой силы», а также оценки реальных результатов применения стратегии «мягкой силы» на практике. В результате анализа сделан вывод, что у иностранных ученых имеется немало вопросов как к теоретико-методологическим положениям данной концепции, так и к ее практической стороне. Тем не менее значение разработанного американским ученым концепта для развития историко-политологической мысли и теории международных отношений чрезвычайно велико. Именно Дж. Наю удалось создать достаточно цельную и проработанную концепцию, которая, несмотря на серьезную и порой справедливую критику со стороны других авторитетных ученых, не только была принята в научной среде, но и взята на вооружение политическими элитами ведущих держав современности.

Ключевые слова

Дж. Най, «мягкая сила», «жесткая сила», «умная сила», теория международных отношений, реализм, неореализм, неолиберализм, внешняя политика США.

Joseph Nye's Concept of Soft Power in Foreign Scientific Discourse: Interpretation and Criticism²

Alexander O. Naumov

PhD, Associate Professor, School of Public Administration, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation.

E-mail: naumov@spa.msu.ru

ORCID ID: [0000-0002-8366-5934](https://orcid.org/0000-0002-8366-5934)

Abstract

The concept of soft power which was developed at the turn of the XX–XXI centuries by one of the leaders of the neoliberal approaches in the modern theory of international relations J.S. Nye Jr. has recently gained more and more sustained interest from the domestic academic and expert community. So far, however, Russian researchers are significantly inferior to their Western colleagues in studying the problem. This circumstance requires further research in this extremely relevant scientific area. The article analyzes the key theses of the concept of soft power and the reflection on them by prominent representatives of foreign scientific discourse. A systematic approach and comparative analysis are used as research methods. It is emphasized that despite the widespread recognition of Nye's merits, Western political scientists reproached their colleague for the insufficient rigor of his works, their academic and conceptual vagueness, inaccuracy of key definitions, the lack of a clearly defined set of resources, tools and mechanisms for implementing the policy of soft power in the international arena. The discussions unfolded on the question of soft power and hard power ratio, as well as the assessment of real results of applying the soft power strategy in practice. As a result, it is concluded that foreign scientists have a lot of questions both to the theoretical and methodological components of this concept and to its practical side. Nevertheless, the significance of the Nye's concept for the development of the international relations theory is extremely great. It is J. Nye who managed to create a fairly complete and elaborated concept, which, despite serious and sometimes fair criticism from other reputable scientists, was not only accepted in the scientific community, but also adopted by the political elites of the leading powers of our time.

Keywords

J. Nye, soft power, hard power, smart power, theory of international relations, realism, neorealism, neoliberalism, US foreign policy.

¹ Исследование выполнено при поддержке Междисциплинарной научно-образовательной школы Московского университета «Сохранение мирового культурно-исторического наследия».

² The research is made under the support of Interdisciplinary scientific and educational school at MSU "Preservation of world cultural and historical heritage".

Введение. Постановка проблемы

Концепция «мягкой силы» (англ. soft power) была разработана известным американским политологом профессором Гарвардского университета Дж. Наем-младшим. Впервые это понятие было упомянуто в опубликованной в 1990 г. статье в журнале «Форин полиси», в которой ученый высказал предположение, что, когда одно государство побуждает другие страны хотеть того же, чего хочет оно, возникает особый вид силы — «мягкая сила» (как синоним — «кооптивная сила») [Nye 1990, 166]. Появление данного термина произошло в переломный момент истории и стало частью глобального дискурса Соединенных Штатов Америки, призванного закрепить их победу в холодной войне. При этом было очевидно, что немаловажную роль в триумфе США в биполярном противостоянии сыграли именно «мягкосиловые» инструменты. Таким образом, идея реализации собственных интересов на международной арене путем формирования привлекательных образов у реципиентов была очень удачно апробирована на практике, что во многом и послужило стимулом для ее осмысления на уровне научного подхода.

Термин «мягкая сила» был введен американским ученым параллельно с понятием «жесткая сила» (англ. hard power). В то время как последняя реализуется за счет принуждения, угроз или подкупа, «мягкая сила» опирается на убеждение, притяжение, соблазн, добровольное согласие к взаимодействию. Будучи ярким и убежденным представителем неолиберализма, Най стремился доказать, что сила идей более могущественна, чем попытки принудить контрагента к нежелательным для него действиям, которые могут обернуться сопротивлением оказанному давлению и не только привести к эскалации конфликта, но и поставить под вопрос авторитет субъекта. В условиях фактической однополярности и тотального превосходства США в культурно-идеологической сфере, сложившихся после окончания холодной войны, такой подход приобрел значительную актуальность.

В работе 2004 г. исследователь впервые четко сформулировал определение «мягкой силы», которое он неоднократно применял в дальнейших трудах, — «способность достигать желаемого посредством притяжения, а не принуждения или платежей» [Nye 2004, x]. Спустя шесть лет в монографии «Будущее власти» Дж. Най дал более расширенную трактовку термина: «Мягкая сила — это способность влиять на других путем взаимодействия в области формирования повестки дня, оказания воздействия с помощью привлечения симпатий для достижения желаемых результатов» [Nye 2010, 21]. Другими словами, успех на международной арене, согласно теории Най, может быть достигнут за счет добровольного согласия объекта оказать поддержку в достижении результата, к которому стремиться субъект.

К ресурсам, способным генерировать «мягкую силу», изначально Дж. Най относил культуру, политические ценности (устойчивый набор значимых для общества установок, норм и правил, которые государство продвигает как на риторическом, так и на практическом уровне внутри страны и за ее пределами) и внешнюю политику (которая является легитимной, ценностно ориентированной и соответствует нормам и правилам, которые декларирует государство-субъект) [Nye 2004, 11]. И культура, и политические ценности являются исторически сложившимися переменными, в то время как внешняя политика определяется субъективными факторами, связанными с интересами находящихся у власти политиков. В дальнейшем Най дополнил набор ресурсов «мягкой силы» за счет компонентов, обычно ассоциировавшихся с «жесткой силой», включая «успешную экономику» и «профессиональную военную силу» [Nye 2010, 99].

В целом именно Дж. Най впервые перевел на концептуальный уровень идею о возможности применения государством культурно-идеологических, а не традиционных военно-силовых и/или экономических инструментов и методов для увеличения собственного

геополитического веса и влияния на международной арене. Неудивительно, что данная концепция, первоначально предназначенная для реализации целей внешней политики США, оказалась чрезвычайно популярной и вызвала огромный интерес в среде англо-американского (и не только) научного сообщества.

В последние годы концепция «мягкой силы» все чаще оказывалась и в центре внимания отечественных ученых. К настоящему моменту уже написан целый ряд статей в рецензируемых журналах и издано несколько серьезных монографий, в которых рассматриваются различные аспекты данной темы. Так, в коллективной монографии под редакцией О.Ф. Русаковой «мягкая сила» исследуется как аналитический концепт, некий дискурс, определенный инструмент современных коммуникаций [Soft Power: теория, ресурсы, дискурс 2015]. А.О. Наумов рассматривает «мягкую силу» как деструктивную технологию, применяемую для организации ненасильственных государственных переворотов [Наумов 2016]. М.А. Неймарк делает акцент на изучении роли «мягкой силы» в стремительно меняющейся системе международных отношений [Неймарк 2020], а П.Б. Паршин — на различных пониманиях категории «мягкой силы» в теории международных отношений и ее восприятию в рамках американской, российской и дальневосточной культур [Паршин 2020]. Тем не менее пока вклад российских исследователей в разработку проблемы сложно назвать достаточным. Иначе обстоит дело в западном научном дискурсе, где «мягкосиловой» проблематике уделялось и уделяется несравненно больше внимания.

Целью статьи является анализ содержания научной дискуссии в отношении ряда ключевых положений разработанной Дж. Наем концепции в современной зарубежной историографии. Представляется, что обращение к подобным сюжетам с помощью системного и сравнительного подходов позволит сделать шаг на пути всестороннего исследования феномена «мягкой силы» в отечественном дискурсе.

Результаты исследования

У созданной Дж. Наем-младшим концепции достаточно быстро образовалась целая «армия» сторонников и последователей, однако оказалось немало и тех, кто обнаружил в его теории серьезные изъяны и очевидные нестыковки.

Так, работающий в Великобритании ученый китайского происхождения Ин Фан признавал, что данная концепция обрела значительную популярность в научных и политических кругах, обращая при этом внимание на то, что в своих многочисленных трудах Най детерминирует «мягкую силу» по-разному и эти определения далеко не всегда совпадают. Поэтому, по мнению Ин Фана, действительно эффективной для теории международных отношений концепт Най будет лишь в том случае, если избавится от многочисленных нестыковок. Исследователь задается нетривиальным вопросом, который выносит в заглавие своей статьи: с чем же «мягкая сила» ассоциируется в большей степени — с притягательностью или сумбуром? В итоге он приходит к выводу, что ключевое положение концепции Най («мягкая сила» — это возможность побудить других хотеть того же, чего хотите вы) остается непроверенным, так как «неясно, как этого можно достичь в реальности» [Fan 2008, 147, 156].

Бразильские исследователи Дж. Захран и Л. Рамос отмечали, что использование термина «мягкая сила» в наевской трактовке сложно для восприятия, проблематично и сомнительно, так как оно слишком расплывчато и в нем «отсутствует строгость». Более того, по их мнению, Най лишь адаптировал понятие «жесткая сила» в качестве синонима авторитарного поведения на международной арене, а термин «мягкая сила» — как синоним кооптивной политики, в связи с чем создается еще более глубокая концептуальная проблема [Zahran, Ramos 2010, 16–18]. Сингапурский ученый Л. Мингъянг считал, что Най недостаточно

проясняет вопрос взаимодействия между «жесткой силой» и «мягкой силой» и в целом не дает ясного ответа на вопрос о границе между этими двумя проявлениями силы субъекта мировой политики [Mingjiang 2009, 3–6]. Испанский исследователь Х. Нойя, в свою очередь, критиковал в целом дуалистический подход Ная к «жесткой силе» и «мягкой силе», отмечая чрезмерную косность дефиниций данных феноменов, представленных американским ученым [Noya 2005, 4].

Авторитетный британский политолог С. Льюкс рассматривал теорию Дж. Ная в качестве «кузины» его идеи о третьем «лице силы», однако непосредственно наевский подход весьма недвусмысленно характеризовал как «тупой инструмент», отмечая, что его автору так и не удалось провести четкую грань между режимами убеждения и способами формирования предпочтений. Льюкс задавался целым рядом вопросов, на которые, по его мнению, Най так и не дал однозначного ответа: как именно носителям «мягкой силы» удастся завоевывать сердца и умы тех, кто подвержен их влиянию; как именно те, кто обладает властью, формируют предпочтения тех, кто подчиняется их власти; в какой степени, какими способами и с помощью каких механизмов могущественные агенты влияют на представления других о своих собственных интересах и др. [Lukes 2007].

Солидарен с Льюксом его соотечественник Э. Локк. С одной стороны, он замечал, что если бы ценность концепции Дж. Ная измерялась шириной и частотой ее использования, то понятие «мягкой силы» можно было бы считать исключительно успешным, отмечая при этом, что в общественных и академических кругах специалисты указывают на наличие двусмысленности в отношении ключевого термина данного концепта. Кроме того, Локк критиковал Ная за то, что тот делает акцент на субъекте воздействия «мягкой силы», не уделяя должного внимания ее объекту, а также рассматривает силу с точки зрения наличествующего ресурса, что свидетельствует об узости подхода. В целом Локк настаивал на «нестратегической природе» наевской концепции [Lock 2010].

Его коллега из американского Университета Виллановы Дж. Маттерн среди слабых сторон концепции «мягкой силы» отмечал отсутствие внятного объяснения алгоритма генерирования одного из трех ее ключевых ресурсов — привлекательных ценностей. По его мнению, симптоматичной проблемой теории Ная является то, что последний ничего не говорит о том, почему некие политические ценности являются «правильными» или как человек приобщается к таким ценностям. «С одной стороны, — писал Маттерн, — описывая якобы универсальные ценности космополитизма, демократии и мира, Най (неявно) рассматривает привлекательность как естественный объективный опыт. С другой стороны, Най подразумевает, что привлекательность — это социальный конструкт; он подчеркивает полезность публичной дипломатии для “обращения” иностранцев, чтобы их привлекали ценности субъекта воздействия. Короче говоря, Най придает привлекательности два онтологических статуса: один как необходимое условие, а другой как результат социального взаимодействия» [Mattern 2005, 591]. Т. Халл, в свою очередь, подвергал сомнению ценность наевской концепции с эвристической точки зрения, указывая на слабости в ее аналитической составляющей. «Хотя теория Ная обладает элементами, которые предрасполагают к тому, чтобы быть категорией практики, этот факт не квалифицирует “мягкую силу” как категорию анализа», — заключал Халл [Hall 2010, 191].

Известный американский специалист Дж. Галларотти в 2011 г. утверждал, что, несмотря на популярность в научных и общественных кругах, концепция «мягкой силы» получила незначительное теоретическое развитие и ее применение на практике было весьма ограниченным [Gallarotti 2011, 2]. Спустя почти десять лет профессор Уэслианского университета все же согласился, что концепт Ная стал важной частью современной теории международных отношений, продолжающей эволюционировать. При этом он делает особый акцент на проблеме методологии оценивания эффективности «мягкой силы», приводя в пример сферу большой политики,

где соответствующие показатели и индексы рассчитываются в рамках удобных и выгодных для западных стран параметров. Индикаторы же, на основе которых вычисляется потенциал «мягкой силы» других центров современного мира, например, России или Китая (включая лидерские качества и международный авторитет первых лиц или способность правительств реагировать на кризисы, поддерживать стабильность и продуцировать экономический рост в своих странах), по сути, отсутствуют. В этой связи он предлагает собственную оригинальную формулу подсчета коэффициентов продуктивности «мягкой силы», учитывающую все типы взаимодействия между ее значимыми переменными, некий интегральный показатель, основанный на очень широком круге различных параметров [Галларотти 2020, 99–102].

Исследование Галларотти является крайне актуальным, ведь значительная доля критики концепции Ная сводится к невозможности реально оценить степень эффективности влияния носителей «мягкой силы» на объекты такого воздействия. Другими словами, в ходе применения «мягкосиловых» инструментов на международной арене с неизбежностью возникает вопрос о гарантиях успеха данной стратегии, компенсации ущерба в случае провала и в целом контроле за ее реализацией со стороны официальных властей. Важную тему поднимает К. Грэй, который справедливо пишет, что крайне затруднительно предвидеть, «будет ли стратегия “мягкой силы” эффективна в отдельно взятом регионе из-за влияния локального контекста» ввиду того, что она «опасно полагается на расчеты и чувства часто не мотивированных иностранцев». Кроме того, соглашаясь с тем, что в настоящее время обосновать необходимость применения военно-силовых методов сложно, военный теоретик из США настаивает, что сей факт вовсе не говорит о том, что «жесткая сила» сошла на нет, так как далеко не все конфликты современной мировой политики можно урегулировать с помощью инструментов «мягкой силы» [Gray 2011, 32, 47].

Вообще, для представителей так называемого реалистического направления, к которым относится и Грэй, характерны недооценка потенциала «мягкой силы» и скептицизм в отношении данной внешнеполитической стратегии, связанный в первую очередь с невозможностью, на их взгляд, оценить в каком-либо выражении реальные результаты «мягкосиловой» политики. В этой связи очень интересно мнение Дж. Найт, которая приписывает ярчайшему представителю неолиберального направления Дж. Наю именно «реалистскую» позицию. Отмечая чрезвычайную популярность концепции американского ученого, она рассматривает «мягкую силу» как стратегию, с одной стороны, направленную на достижение конкретных внешнеполитических целей (что укладывается в парадигму реалистов), а с другой — как проявление международного культурного и социо-гуманитарного сотрудничества (позиция, близкая к неолиберальной теории)³.

Сам Дж. Най еще в 2007 г. писал, что проводить аналогии между дихотомией «жесткой силы» и «мягкой силы», с одной стороны, и реализмом и идеализмом, с другой, ошибочно, ведь даже «классические реалисты» никогда не отвергали значение идеологического фактора в международных отношениях. «Между концептом “мягкая сила” и “реализмом” нет никакого противоречия, — утверждал Най. — “Мягкая сила” не является формой “идеализма” или “либерализма”. Это просто одна из разновидностей силы — способ добиться желаемых результатов» [Nye 2007a, 170]. «Некоторые критики сопоставляют различие между “жесткой силой” и “мягкой силой” с различиями между “реализмом” и “идеализмом”. Для них “мягкая сила” — это не больше чем привлекательный термин для нескольких принципов, использовавшихся в либеральной международной политике, лежавших в основе внешней политики США после Второй мировой войны и коренившихся в вильсоновских традициях, — продолжал он подчеркивать спустя несколько лет. — Но они ошибаются» [Nye 2010, 254].

³ Knight J. The Limits of Soft Power in Higher Education // University World News [Электронный ресурс]. URL: <https://www.universityworldnews.com/post.php?story=20140129134636725> (дата обращения: 10.08.2021).

В целом американский политолог признает, что четких критериев для разделения «жесткой силы» и «мягкой силы» не существует. В классической работе 2004 г. Най писал о том, что они родственны, потому что и одна, и другая сила являются инструментом для достижения цели, который применяется для оказания влияния. Разница между ними состоит в природе поведения субъекта и материальности ресурсов. Командная власть базируется на принуждении или побуждении, а кооптивная — на привлекательности чьей-либо культуры и ценностей. «Если исходить из того, что категорию силы мы определяем как некое взаимодействие, — утверждал Най, — то инструментарий “мягкой силы” оставляет реципиенту большую свободу выбора, чем применение других видов силы. Привлекательные образы формируются в сознании объекта, и, следовательно, он в большей степени способен контролировать процесс воздействия на него, чем, к примеру, в том случае, если у него к виску приставлен пистолет» [Nye 2007a, 169].

Най, разумеется, не призывал вовсе отказываться от использования принудительных методов влияния на международной арене, однако указывал, что эффект от применения «жесткой силы» и «мягкой силы» различается не только характером восприятия реципиента, но и временным горизонтом воздействия. Применение военного ресурса или наложение экономических санкций могут иметь быстрый и ощутимый результат, но подобные меры оправдывают себя, как правило, преимущественно в краткосрочной перспективе и, кроме того, соотносятся с финансовыми и репутационными издержками. «Мягкая сила», напротив, приобретает долгосрочный эффект воздействия, поскольку сила образов, созданных в результате ее применения, продолжает влиять на сознание объектов без оказания регулярного внешнего давления. Исследователь подчеркивает, что применение «мягкой силы» имеет более долгосрочный и рассеянный характер, который может проявляться в формировании массового влияния, а не в точечном эффекте, как в случае с «жесткой силой». Соответственно, заявляет Най, «мягкую силу» лучше применять, когда речь идет о материях общественного значения, таких как формирование демократических институтов, борьба с эпидемиями или противодействие климатическим изменениям. «“Мягкая сила”, возможно, играет незначительную роль в улаживании конфликта между США и Северной Кореей по поводу ядерной программы последней, но имеет огромное значение при реализации стратегии распространения демократии как средства предотвращения конфликтов в будущем» [Nye 2007b, 394].

По сути, Най попытался найти некую «золотую середину» — своеобразную теорию «либерального реализма», которая бы сочетала в себе наиболее релевантные подходы как реалистов, так и их идейных оппонентов. И надо признать, что в известной степени американскому ученому удалось это сделать.

Заключение

Подводя итог, следует отметить, что идея обретения силы и влияния на международной арене через привлекательность, конечно, не нова, но впервые на уровне полноценной историко-политологической концепции она была сформулирована только в начале 90-х гг. XX в. американским политологом Дж. Наем-младшим. Тем не менее данную концепцию следует рассматривать как результат более ранних теоретических наработок; ее идейные истоки можно обнаружить еще в сочинениях древнекитайских мудрецов, написанных более двадцати веков назад, в работах Н. Макиавелли, А. Грамши, англо-американских специалистов в области политологии второй половины XX в. Собственно и сами технологии «мягкой силы» активно применялись акторами мировой политики на протяжении всей человеческой истории. Это понимал и сам Най, отмечая еще в 1990 г., например, что в начале послевоенного периода Советский Союз смог получить

значительные геополитические дивиденды из таких «мягкосиловых» ресурсов, как «коммунистическая идеология, миф о непобедимости и международные коммунистические институты» [Nye 1990, 167].

По мере расширения и трансформации концепции «мягкой силы» под влиянием критики в академической среде, с одной стороны, и глобальных изменений в международной среде, с другой, Най выделил в 2003 г. понятие «умной силы» (англ. smart power), совмещавшей в себе инструменты как «жесткой силы», так и «мягкой силы», но изначально близкой по смыслу к последней. Этот термин подразумевал разработку долгосрочной национальной стратегии, которая бы интегрировала разрозненные инструменты и технологии применения обеих сил, переосмыслила их соотношение и предложила новые более эффективные внешнеполитические линии поведения с учетом необходимости сохранения глобального американского лидерства. Признавая, что одной «мягкой силы» для решения ряда проблем недостаточно, Най говорил о том, что «умная сила» — это не просто «мягкая сила 2.0», так как речь идет о способности соединять «жесткую силу» и «мягкую силу» в эффективную стратегию, применяемую при различных обстоятельствах» [Nye 2010, xv].

На протяжении последних тридцати лет Най оставался «законодателем мод» в сфере изучения феномена «мягкой силы». Однако, несмотря на широкое признание научных заслуг американского политолога, его работы в академической среде неоднократно подвергались критике, причем порой весьма жесткой и справедливой. Западные исследователи упрекали своего коллегу как за серьезные теоретико-методологические промахи и упущения (недостаточная научная строгость работ, их концептуальная размытость, неточность и расплывчатость ключевых определений, абстрактность и даже банальность самой теории), так и указывали на вполне конкретные изъяны его концепта (отсутствие четко прописанного набора ресурсов, инструментов и механизмов реализации политики «мягкой силы» на международной арене). Одним из самых дискуссионных являлся (и является) вопрос о соотношении «мягкой силы» и «жесткой силы». Значительная часть претензий была связана с невозможностью в рамках теории Найа вычленив алгоритм преобразования «мягкосилового» потенциала в конкретные геополитические дивиденды и объективно оценить и просчитать последние. Наконец, критики концепции указывали и на тот факт, что политический «бэкграунд» Дж.Найа порой оказывал значительное влияние на его изыскания; действительно, налицо взаимосвязь между внешнеполитическими авантюрами США в начале XXI в. и работами ученого, в которых прослеживается попытка нивелировать негативные последствия американского использования «жесткой силы» в разных уголках планеты.

И все же значение разработанного Дж.Наем-младшим концепта для развития англо-американской историко-политологической мысли трудно переоценить. Именно он ввел понятие «мягкая сила» в современную политологию и теорию международных отношений; на основе его идей в рамках зарубежного научного дискурса появились новые оригинальные концепты [Vuving 2009; Kounalakis, Simonyi 2011; Rosel et al. 2014]. В целом американскому ученому удалось создать достаточно цельную и проработанную концепцию, которая, несмотря на серьезную критику со стороны его коллег по цеху, не только была принята в академической среде, но и взята на вооружение политическим истеблишментом ведущих государств современного мира: от США и стран Европейского союза до Китая и других восточно-азиатских государств. В последнее время тема «мягкой силы» становится все более востребованной и в отечественном общественно-политическом дискурсе.

Список литературы:

- Галларотти Дж. Как измерять мягкую силу в международных отношениях // Полис. Политические исследования. 2020. № 1. С. 89–103. DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2020.01.07>.
- Наумов А.О. «Мягкая сила», «цветные революции» и технологии смены политических режимов в начале XXI века. М.: АРГАМАК-МЕДИА, 2016.
- Неймарк М.А. «Мягкая сила» в мировой политике. М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и Ко», 2020.
- Паршин П.Б. «Мягкая сила» в лабиринте дискуссий. М.: Издательство «МГИМО-Университет», 2020.
- Soft Power: теория, ресурсы, дискурс / под ред. О.Ф. Русаковой. Екатеринбург: Издательский Дом «Дискурс-Пи», 2015.
- Fan Y. Soft Power: Power of Attraction or Confusion? // Place Branding and Public Diplomacy. 2008. № 4. P. 147–158. DOI: <https://doi.org/10.1057/pb.2008.4>.
- Gallarotti G. Soft Power: What It Is, Why It's Important, and the Conditions under Which It Can Be Effectively Used // Journal of Political Power. Vol. 4. Is. 1. P. 25–47. DOI: <https://doi.org/10.1080/2158379X.2011.557886>.
- Gray C. Hard Power and Soft Power: The Utility of Military Force as an Instrument of Policy in the 21st Century. Carlisle, Pa.: Strategic Studies Institute, 2011.
- Hall T. An Unclear Attraction: A Critical Examination of Soft Power as an Analytical Category // The Chinese Journal of International Politics. 2010. Vol. 3. Is. 2. P. 189–211. DOI: <https://doi.org/10.1093/cjip/poq005>.
- Kounalakis M., Simonyi A. The Hard Truth about Soft Power. Los Angeles: Figueroa Press, 2011.
- Lock E. Soft Power and Strategy: Developing a Strategic Concept of Power // Soft Power and US Foreign Policy Theoretical, Historical and Contemporary Perspectives / ed. by I. Parmar, M. Cox. London: Routledge, 2010. P. 32–50.
- Lukes S. Power and the Battle for Hearts and Minds: On the Bluntness of Soft Power // Power in World Politics / ed. by F. Berenskoetter, M.J. Williams. London: Routledge, 2007. P. 83–97.
- Mattern J.B. Why Soft Power Isn't So Soft: Representational Force and the Sociolinguistic Construction of Attraction in World Politics // Millennium: Journal of International Studies. 2005. Vol. 33. Is. 3. P. 583–612. DOI: <https://doi.org/10.1177/03058298050330031601>.
- Mingjiang L. Soft Power: China's Emerging Strategy in International Politics. Lanham: Lexington Books, 2009.
- Noya J. The Symbolic Power of Nations // ELCANO Royal Institute Working Paper 35/2005. 2005. URL: <http://www.realinstitutoelcano.org/wps/wcm/connect/589286804f018367b397f73170baead1/035-2005-WP.pdf?MOD=AJPERES&CACHEID=589286804f018367b397f73170baead1>.
- Nye J.S. Soft Power // Foreign Policy. 1990. No 80. P. 153–171. DOI: <https://doi.org/10.2307/1148580>.
- Nye J.S. Soft Power: The Means to Success in World Politics. New York: Public Affairs, 2004.
- Nye J.S. Notes for a Soft Power Research Agenda // Power in World Politics / ed. by F. Berenskoetter, M.J. Williams. London: Routledge, 2007a. P. 162–172.
- Nye J.S. The Place of Soft Power in State-Based Conflict Management // Leashing the Dogs of War: Conflict Management in a Divided World / ed. by C.A. Crocker, F.O. Hampson, P. Aall. Washington: United States Institute of Peace Press, 2007b. P. 389–400.
- Nye J.S. The Future of Power. New York: Public Affairs, 2010.

- Rosel L., Miskimmon A., O'Loughlin B. Strategic Narrative: A New Means to Understand Soft Power // Media, War and Conflict. 2014. Vol. 7. Is. 1. P. 70–84. DOI: <https://doi.org/10.1177/1750635213516696>.
- Vuving A.L. How Soft Power Works // Paper presented at the Panel “Soft Power and Smart Power”. American Political Science Association annual meeting. Toronto. September 3. 2009. URL: <https://apcss.org/Publications/Vuving%20How%20soft%20power%20works%20APSA%202009.pdf>.
- Zahran G., Ramos L. From Hegemony to Soft Power: Implications of a Conceptual Change // Soft Power and US Foreign Policy Theoretical, Historical and Contemporary Perspectives / ed. by I. Parmar, M. Cox. London: Routledge, 2010. P. 11–31.
- References:**
- Fan Y. (2008) Soft Power: Power of Attraction or Confusion? *Place Branding and Public Diplomacy*. No. 2. P. 147–158. DOI: <https://doi.org/10.1057/pb.2008.4>.
- Gallarotti G. (2011) Soft Power: What It Is, Why It's Important, and the Conditions under Which It Can Be Effectively Used. *Journal of Political Power*. Vol. 4. Is. 1. P. 25–47. DOI: <https://doi.org/10.1080/2158379X.2011.557886>.
- Gallarotti G.M. (2020) How to Measure Soft Power in International Relations. *Polis. Politicheskiye issledovaniya*. No. 1. P. 89–103. DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2020.01.07>.
- Gray C. (2011) Hard Power and Soft Power: The Utility of Military Force as an Instrument of Policy in the 21st Century. Carlisle, Pa.: Strategic Studies Institute.
- Hall T. (2010) An Unclear Attraction: A Critical Examination of Soft Power as an Analytical Category. *The Chinese Journal of International Politics*. Vol. 3. P. 189–211. DOI: <https://doi.org/10.1093/cjip/poq005>.
- Kounalakis M., Simonyi A. (2011) *The Hard Truth about Soft Power*. Los Angeles: Figueroa Press.
- Lock E. (2010) Soft Power and Strategy: Developing a Strategic Concept of Power. In: Parmar I., Cox M. (eds.) *Soft Power and US Foreign Policy Theoretical, Historical and Contemporary Perspectives*. London: Routledge. P. 32–50.
- Lukes S. (2007) Power and the Battle for Hearts and Minds: On the Bluntness of Soft Power. In: Berenskoetter F., Williams M.J. (eds.) *Power in World Politics*. London: Routledge. P. 83–97.
- Mattern J.B. (2005) Why Soft Power Isn't So Soft: Representational Force and the Sociolinguistic Construction of Attraction in World Politics. *Millennium: Journal of International Studies*. Vol. 33. Is. 3. P. 583–612. DOI: <https://doi.org/10.1177/03058298050330031601>.
- Mingjiang L. (2009) *Soft Power: China's Emerging Strategy in International Politics*. Lanham: Lexington Books.
- Naumov A.O. (2016) “*Myagkaya sila*”, “*tsvetnyye revolyutsii*” i *tekhnologii smeny politicheskikh rezhimov v nachale XXI veka* [Soft power, color revolutions and technologies of the political regimes change at the beginning of the XXI century]. Moscow: ARGAMAK-MEDIA.
- Neymark M.A. (2020) “*Myagkaya sila*” v *mirovoy politike* [Soft power in world politics]. Moscow: Izdatel'sko-torgovaya korporatsiya “Dashkov i Ko”.
- Noya J. (2005) The Symbolic Power of Nations. *ELCANO Royal Institute Working Paper (WP) 35/2005*. URL: <http://www.realinstitutoelcano.org/wps/wcm/connect/589286804f018367b397f73170baead1/035-2005-WP.pdf?MOD=AJPERES&CACHEID=589286804f018367b397f73170baead1>.
- Nye J.S. *Soft Power* (1990). Foreign Policy. No. 80. P. 153–171. DOI: <https://doi.org/10.2307/1148580>.
- Nye J.S. (2004) *Soft Power: The Means to Success in World Politics*. New York: Public Affairs.

Nye J.S (2007a) Notes for a Soft Power Research Agenda. In: Berenskoetter F., Williams M.J. (eds.) *Power in World Politics*. London: Routledge. P. 162–172.

Nye J.S (2007b) The Place of Soft Power in State-Based Conflict Management. In: Crocker C.A., Hampson F.O., Aall P. (eds.) *Leashing the Dogs of War: Conflict Management in a Divided World*. Washington: United States Institute of Peace Press. P. 389–400.

Nye J.S (2010) *The Future of Power*. New York: Public Affairs.

Parshin P.B. (2020) *“Myagkaya sila” v labirinte diskussiy* [Soft power in the maze of discussions]. Moscow: Izdatel'stvo «MGIMO-Universitet».

Rosel L., Miskimmon A., O'Loughlin B. (2014) Strategic Narrative: A New Means to Understand Soft Power. *Media, War and Conflict*. Vol. 7. Is. 1. P. 70–84. DOI: <https://doi.org/10.1177/1750635213516696>.

Rusakova O.F. (ed.) (2015). *Soft Power: teoriya, resursy, diskurs* [Soft Power: Theory, resources, discourse]. Ekaterinburg: Izdatel'skiy Dom «Diskurs-Pi».

Vuving A.L. (2009) How Soft Power Works. Paper Presented at the Panel “Soft Power and Smart Power”. *American Political Science Association Annual Meeting*. Toronto. September 3. URL: <https://apcss.org/Publications/Vuving%20How%20soft%20power%20works%20APSA%202009.pdf>.

Zahran G., Ramos L. (2010) From Hegemony to Soft Power: Implications of a Conceptual Change. In: Parmar I., Cox M. (eds.) *Soft Power and US Foreign Policy Theoretical, Historical and Contemporary Perspectives*. London: Routledge. P. 11–31.

Дата поступления/Received: 29.08.2021